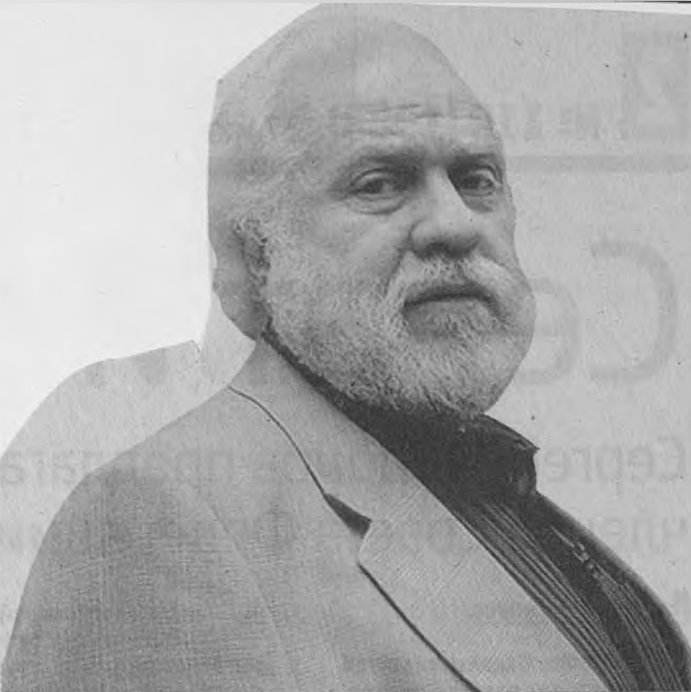

Гость «НИ»

Писатель, редактор русской
редакции радио «Свобода»

Петр ВАЙЛЬ:

**«Государство
должно мешать людям
вести себя по-свински»**

Веста Боровикова

На днях Москву посетил бессменный редактор русской редакции радио «Свобода» Петр Вайль. Известный диссидент, родившийся, пожалуй, в самом западном городе СССР – Риге и живший в самом шумном городе США – Нью-Йорке, сейчас, когда штаб-квартира знаменитой радиостанции сменила континент, осел в Праге, где живет, сочетая ремесло журналиста с радостью творчества писателя-эссеиста и жизнью гурмана. В интервью «Новым Известиям» г-н ВАЙЛЬ говорил, конечно, о политике, но не только.

– Вы живете на Западе с 77-го года. В чем причина вашего отъезда в Нью-Йорк?

– Знаете, в свои 28 лет я слишком отчетливо предвидел всю свою дальнейшую жизнь в Союзе. Для молодого человека это было чудовищно.

– Сравнимая сегодняшнюю Россию, Запад и Советский Союз 70-х, что вы можете сказать? Есть сдвиги в лучшую сторону с 77-го года?

– Сам человек одинаков везде. Дело государства – создать такую атмосферу, чтобы в человеке как можно меньше проявлялись его гнусные качества, возможность вести себя по-свински. Это единственная необходимая роль государства. Так что никакого сравнения, увы, быть не может. Из всех ветвей власти – исполнительной, законодательной, судебной – в России существует только исполнительная. Законодательная – смешная, судебная – продажная. Так называемая «четвертая власть» – пресса, ТВ – подконтрольна. Однако невозможно и сравнивать с 70-ми годами: вы мне задаете такие вопросы, я даю такие ответы, и все происходит в Москве.

– Вы были знакомы с Бродским. Какова ваша оценка его влияния на русскую литературу?

– Я в своей жизни видел человека, которого можно назвать гением. Бродский – в известном смысле завершитель великой русской поэзии. Через него перепрыгнуть практически невозможно. Возьмите стихотворение современного поэта, и я вам пальцем покажу, где там Бродский. Он наложил печать. Сам-то Бродский был против, как он выражался, «назначения главным поэтом». Он был человек по-настоящему демократичный, и ему не нравился этот монотеизм. Но так получилось, что в первую половину XX века на нас обрушилось с десяток великих поэтов – Есенин, Маяковский, Заболоцкий, Цветаева, Пастернак, Мандельштам... А на всю вторую половину выпал один Бродский.

Для русского человека он, в первую очередь, поэт, а для западного – прозаик, эссеист. Он ведь писал почти все свои эссе на английском, а стихи – почти все по-русски. Так что западное признание у него иное. Нобелевская премия ведь не дается за что-то конкретное. Это единственная правильная премия: никаких номинаций, предварительных забегов, четвертьфиналов, финалов. Она обрушивается на голову, и никто никогда заранее не знает, на чью. Но тем не менее Бродский Нобелевку получил вскоре после выхода его толстого тома эссе.

Окончание на стр. 5

«Государство должно мешать людям вести себя по-свински»

Окончание. Начало на стр. 1.

– Многие ваши персонажи для узкого круга ценителей. Ну много ли найдется людей, прочитавших до конца «Улисса»?

– И слава Богу! Страна, в которой каждый житель читал бы Джойса в метро, – это же кошмар. Из такой страны надо бежать, меняя имя.

– В вашей книге «Гений места» вы придумали хороший ход – совместить путешествие географическое и культурологическое...

– Однажды я понял, что когда следуешь за каким-то одним, но очень важным персонажем той страны или города, в которые приезжаешь, то путешествие становится гораздо интереснее. Вообще готовиться к путешествиям нужно серьезно. Русскому человеку свойственна небрежность в этом вопросе: ну, поедем, что-нибудь увидим, как-нибудь погуляем не по туристским местам. Все это не оправдывается. Нужно смотреть то, что нужно. Если десятки миллионов человек до тебя ахнули от Нотр-Дама, то и ты тоже ахни. Тут снобизма не может быть никакого. А если взять себе за гда человека, связанного с этим местом, получается очень интересный ритуал. Потом я решил перенести свой опыт на бумагу. Вот так возникла идея книжки, где каждый из городов сопоставлен с какой-то культурной фигурой, с ним связанной.

Венецианская прогулка Вайля.

СПРАВКА
ПЕТР ВАЙЛЬ – главный редактор Русской службы радиостанции «Свобода». Руководил нью-йоркским бюро станции. Родился в 1949 году в Риге. Учился в рижском филиале Калининградского технического института рыбной промышленности. В 1975 году окончил редакторский факультет Московского полиграфического института. Работал грузчиком, рабочим на кладбище, пожарным, журналистом. В 1977 году эмигрировал в США. Автор нескольких сотен публикаций, книг «Гений места», «Карта родины», «Иосиф Бродский: труды и дни», «Русская кухня в изгнании», «60-е: портрет советского человека», «Родная речь» и других. Член-основатель Академии русской современной словесности, член редсоветов журналов «Иностранная литература» и «Знамя». Автор и ведущий телецикла «Гений места». Лауреат нескольких литературных премий. В настоящее время проживает в Праге.

– Ваша книга – образчик гурманского отношения к жизни. Вы наслаждаетесь жизнью и всеми ее чудесами почти гастрономически...

– Я скажу банальность, но к ней надо прийти самому – однажды и навсегда. Мир прекрасен. И чем больше его узнаешь, тем прекрас-

ней он кажется. Для того чтобы ощутить это, желательно, насколько возможно, знать как можно больше о том, что тебя окружает. Как можно больше увидеть самому. Это, по-моему, единственное, чего я в жизни хочу по-настоящему. Что касается гастрономического подхода к теме, то, во-первых, я люблю поесть, люблю готовить. А во-вторых, если вы хотите понять суть города – ступайте на рынок. Там сразу видно и слышно все: лица, жесты, манеры, голоса, даже если вы не понимаете языка. Рынок – самое живое место в любом городе.

– Чем вызван ваш критерий соотношения автора и места? Почему, например, Шекспир – именно Верона, а не Венеция?

– Критерий – мой личный произвол, ощущение гения места. Шекспир увековечил Верону своими влюбленными детьми. Потому что для всех Верона – это балкон Джульетты. Знаете, что меня там осенило? Фраза «любви все возрасты покорны» всегда трактуется «вверх» – то есть и старики способны любить. Но и «вниз» ведь – тоже. Шекспир писал о подлинной страсти детей, которые убили себя любовью.

– Так может поражаться только человек не страстный.

– Ну, не знаю. Может, мне и вправду такие бездны не даны.

– Вы пишете в таком странном жанре... Он очень аморфен.

– Знаете, у японцев жанр эссе возник намного раньше, чем в западной культуре, там это называется «дзуйхицу», дословно означает: «вслед за кисточкой», как пойдет рука. Принцип джаза, где основная мелодия остается от начала до конца, но по ходу возможны и нужны всевозможные вариации. Все определяется только твоим выбором, твоим вкусом. Если слишком далеко уйдешь – рыхло, если слишком приближен к теме – скучно. Где найти эту грань, не знаю. Но пытаюсь.

– Ваш совет начинающим литераторам. Вы же понимаете, что очень трудно сделать первый шаг от рукописи к издательству сегодня. Как бы вы поступили?

– Очень уважаю настойчивых людей. Сам я не такой, поэтому не знаю, что бы было, если б мне где-нибудь отказывали. Может, и скуксился, сдался бы. Вот не любимый мною Эдик Лимонов, с которым я был знаком в Нью-Йорке, свой роман «Это я – Эдик!» разослал в 300 издательств. Триста! Это же нужно взять 300 конвертов, переснять 300 копий, их в конверты уложить и надписать адреса! Хорошая книжка, кстати говоря. Но не об этом речь. Наклейте 300 марок! И получить 300 отказов!

– Не сломаться и идти дальше после такого мог только незаурядный человек!

– Да. Я бы не смог.